

АЛЕКСАНДРА
ШАЛАШОВА

ВЫКЛЮЧИТЬ МОЁ ВИДЕО

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш18

Оформление переплёта – *Виктория Лебедева*

Издание осуществлено при поддержке
Автономной некоммерческой организации
«Центр развития культурных инициатив»

Шалашова, Александра Евгеньевна.

Ш18 Выключить моё видео : роман / Александра Шалашова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 410, [6] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-137271-2

Александра Шалашова родом из Череповца, живёт и работает в Самаре. Выпускница Литературного института. Работала учителем в школе, затем создала рок-группу «МореЖдёт». Лауреат премии «Лицей» 2019 и 2020 гг. в номинации «Поэзия».

События романа «Выключить моё видео» охватывают период карантина 2020 года: хроника пандемии глазами обычных московских школьников и учителей. Дистанционное обучение, видеоконференции в «Zoom», общение — в чатах... Подростки вынуждены перенести свою жизнь в онлайн — но надолго ли? И вот молодое, острое, хрупкое и тонко чувствующее прорывается на поверхность сквозь все запреты, а страсть и смерть оказываются сильнее режима самоизоляции.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137271-2

© Шалашова А.Е.
© ООО «Издательство АСТ»

В нашей стране есть много возможностей для творческой самореализации. Как в хорошем книжном магазине: нужно только поискать — и обязательно найдёшь что-то подходящее именно для себя.

Один из примеров — издательская программа арт-кластера «Таврида» для молодых писателей. Мы поддерживаем талантливых авторов, ценим разнообразие жанров и тем, поднимаемых в художественных произведениях. Для нас очень важно, чтобы у начинающих поэтов и прозаиков был шанс заявить о себе, даже если их мнение не всегда совпадает с нашим.

*Сергей Першин,
руководитель арт-кластера «Таврида»*

Перед вами — роман победительницы издательской программы арт-кластера «Таврида» Александры Шалашовой «Выключить моё видео».

Саша родом из Череповца, живёт и работает в Самаре. Выпускница Литературного института (семинар Александра Рекемчука). После окончания учёбы работала в школе — сначала учителем начальных классов, потом — русского и литературы. Создала рок-группу «МореЖдёт», в которой поёт до сих пор. Саша пишет с тринадцати лет, стала лауреатом премии «Лицей» в номинации «Поэзия» в 2019 и 2020 годах.

Хотя этикет и негласные правила приличия требуют беспристрастности, всё же не могу не сказать, что книга Саши — нечто выдающееся, ни на что не похожее и настоящее. В 2020 году мне пришлось столкнуться с большим количеством текстов про пандемию и самоизоляцию, но в подавляющем большинстве они были натужные и позёрские, если не сказать жёстче: пустые. Авторам не хватало сил и желания посмотреть на происходящее непредвзято, со стороны; всё было поверхностным. Поэтому, когда ко мне попала рукопись Саши, я была уверена, что это очередной хайп на коронавирусе, такой мейнстрим, где все успели отметиться. Каково же было моё удивление, когда...

«Выключить моё видео» — роман про нас, про тёмную часть, которая сидит в глубине каждого — и внезапно выбралась на поверхность во время вынужден-

ной изоляции, а что с ней делать — непонятно. Эта история не про школьников во время пандемии, она — про неумение и нежелание слушать и слышать; про истинное одиночество.

У Саши потрясающий слог: лёгкий, но при этом обволакивающий. Есть в нём что-то гипнотическое и глубокое. Уверена, у неё большое литературное будущее.

*Алёна Ракитина,
эксперт по направлению «литература»
арт-кластера «Таврида»*

**Выключить
моё видео**

Вера

Под моим балконом растёт берёза.

Берёза/берёста.

Так учат ударение запоминать, хотя не знаю, кто говорит *берёста*. *Береста*, блин. Кора берёзовая, бело-коричневая, тёплая, что-то делали с папой, не помню, что. Вспомнила: кораблики, лёгкие кораблики, чтобы ручьи проходили, на камешках подпрыгивали, уносились.

С папой говорила привычно, по-старому. В школе переучили, но с ним всегда к старому возвращаюсь.

Я не заметила, как в мае появились прозрачно-зелёные листья, как выпрямилась берёзка, расшелестелась, разошлась. Если сидеть на бабушкином сундуке, десять лет назад поставленном на балкон, то можно следить за солнцем, медленно-медленно теряющимся в листьях. Дальше резко становится холодно. И никогда не замечаешь, как день прошёл — от той самой секунды, когда просыпаешься, но вроде и нет, лежишь щекой в подушку, чувствуя, как затекли за ночь руки, но уже свет на лице, можно вставать. Даже если не нужно никуда. И конца дня не замечаешь, а только идёшь за одеялом или джинсовкой, чтобы не мёрзнуть на балконе.

А пальцы холодные останутся, даже если что-то на плечи накинешь.

Сама чувствуя, никто не скажет — «оденься, холодно».

Никто.

Выключить моё видео

важное объявление
завтра алгебры не будет
вместо неё поставили русский
потом литературу
или наоборот
это уже София Александровна решит

Я закрываю «WhatsApp», но он никак не хочет успокоиться, загорается уведомлениями беспрестанно. Это мама Яны пишет, никому не нужно, а она пишет. Сама сидит до ночи на работе, и не в курсе, что Яна спрашивала меня — зализаться ли ей с тем пацаном или нет. Я и не знала, с кем, но всё равно написала — давай, а что нет-то. Если не противно — она мне скидывала фотку, так он какой-то страшенький, с влажными губами, будто намазанными чем-то. Герпес, понимаешь. Корочки, а туда же — с девчонкой целоваться. Так потом и будете вдвоём ходить с корочками, и будет понятно про вас — и родителям, и учителям, и всем.

Так я тогда написала Яне — давай, потому что утром она бы всё равно сказала, что зализалась. Ещё таинственно так, чтобы гадали, перебирали пацанов, думали, с кем же всё-таки. А Яна ещё добавит — он не из нашей школы. Тогда девочки брезгливо-завистливо смотреть будут.

Потому что из нашей — с кем? Смешно думать даже.

Мама Яны в родительском комитете. Решает, сколько на окна сдаём, на стулья, на компьютеры, на дурацкие невкусные конфеты учителям. Я бы на месте учителей «Ассорти» со сливочной и разными начинками вообще не стала есть, а оставила в школе — мелкоте, младшеклассникам, берите, мол. Эти маленькие вообще всё в рот тянут, даже слоёные пирожки с подкрашенным малиновым вареньем в столовке. И я раньше ела — как могла только. Мерзость.

Вера

Ну и хорошо, что зализалась, короче, что тут скажешь. Развлеклась, а сейчас трудно это — не с кем и вообще.

Я-то ничего такого о себе, захочу — и буду. Не боюсь. Пальцем поманю — прибегут.

Кто-нибудь прибежит.

Обязательно.

Я не помню, прислала ли вчера сочинение. Писала, сначала на балконе, потом на диване в темноте. Но кажется, что всё-таки перечитала, подумала — и не отравила. Физику сделала, и астрономию, и ещё что-то — а вот самое нужное, самое важное решила оставить. Потому что хочется, чтобы София похвалила, а за работу среднюю, не *очаровательную* — как она говорит — не похвалит, даже если всё на пять и хорошо. Такая она. Но хватит думать, потому что урок начинается, пора.

Подключиться к конференции Zoom

Идентификатор конференции: 797 2542 5497

Пароль: 1KdcqM

Народ переговаривается.

А Софии нет.

Почему не она создаёт конфу, а твоя мама, Ян?

Она попросила маму, не знаю, почему.

София Александровна немного задержится, вы пока повторяйте, что нужно было.

А ничего не нужно.

Это тебе никогда ничего не нужно, придурок.

Эй, прекратите. Я сейчас микрофоны всем отключу.

Ну и отключайте, София придёт — включит.

А на собрании говорили, что один фиг будем все с выключенными сидеть, чтобы не мешать учителям. Так что выключайте хоть сейчас, правда!

Выключить моё видео

А София не отключает. Она любит, чтобы вопросы задавали. Вообще говорила, что неправильно, когда всех молчать заставляют. Что нехорошо рты затыкать.

Тебя и не заткнёшь.

Нет, правда — вдруг вопрос?

Вот ей и задашь.

(Мама Яны огрызается сразу, выходит из себя. Фаина быстро бы всех заткнула, да и София как-нибудь постаралась. А она не может.)

Ты так говоришь, потому что твоё поступление накрылось. Куда там собиралась?

Уже неважно.

Нет, почему, ты скажи. А мы все послушаем, в Англию, да? Да мы помним, как ты английский знаешь. Вот из ёр нэйм, что ли? Так ты и это сказать не можешь.

Ты просто завидуешь, что у твоих родителей нет денег на обучение за рубежом. Так и останешься здесь. Будешь кассиршей работать. А что, и они нужны. Мой папа говорит, что кассиру тоже учиться нужно, быть — как это сказать — психологически устойчивым. Вот и учись быть устойчивой. Прямо сейчас. А по английскому я на курсы хожу, не с вами же учить в группе, в которой...

Девочки, прекратите. Сейчас София Александровна придёт. Да она забыла.

Нет, она красится. Помните ту помаду? Как она размазалась, а парни заметили? А она сказала...

А она сказала, что пойдёт поправить, а чтобы мы пока прочитали... Вера, ты не помнишь, что она просила прочитать? Такую ещё вроде бы грустную историю про учительницу и пацана, который, ну, бедный ещё был, голодный, а она ему помогла... Вер, помнишь? Ты же больше всех помнишь.

Нет, не помню.

Вера

Я помню. Мы тогда читали «Уроки французского». Мне кажется, что он был не просто бедный — тогда ведь все бедные были, но какой-то особенно неприспособленный, гордый. И его малокровие — наверное, поэтому был тоненький как тростиночка, бледный. Он, конечно, маленький ещё, одиннадцатилетний, но и взрослым наверняка бы не стал так про Софию говорить, помаду вспоминать. Ну размазалась, что такого — у девчонок, которые красятся, часто размазывается, но всем ничего. Мальчик покупал на рубль молока, но мы не знали, дорого ли это. София говорила, что вообще-то нет, но для деревенского бедного парня — да. Что всё относительно, как и теперь. А что теперь, мы спрашивали. Но про «теперь» София говорить не хотела, не терпела *актуальности* никакой.

Только *очарования* и ждала.

Сейчас в холодильнике пакет открытый стоит, а я и не пью, не хочется. Это потому, что у меня нет малокровия. И, если честно, ни у кого в классе нет — вон какие в окошках «Zoom» лица, с толстыми щеками, намазанными пудрой (у девчонок, конечно; у парней некрасивые по-другому). Мы читали, что для видеозвонков нужно пудриться, а то лицо выйдет блестящее и некрасивое. Я не пудрюсь, но смотрю, пытаюсь получиться красиво.

Софии ещё нет, но включаю камеру и микрофон.

Снова голоса.

А вон и Верочка добавилась.

Ты что, с выключенным сидела? Подслушивала, да?

Смотрю на себя в экране.

У меня хороший компьютер, папа полгода назад купил — только мне. Поэтому на рабочем столе стоит

Выключить моё видео

заставка из «Блича», и никто не скажет — мультяшек, мол, убери.

А это бабы или мужики вообще?

Никто не спросит.

Раньше, когда тётя с дядей приходили, вечно спрашивали, будто специально забывая то, что я рассказывала в прошлый раз. И бабушка спрашивала. И родителям говорила — почему у взрослой девушки одни мультики в голове, лучше бы алгебра, с тройки на двойку, как так можно, вы что, вообще её учёбой не интересуетесь, Верка так школы у вас не кончит. Но Тамара Алексеевна такая нудная, половину урока на головную боль жалуется, как её довели и достали. Потом урок медленно-медленно разгорался, скучно, тоскливо. Иногда она принималась вспоминать прошлые школы, прошлых детей, которые, наверное, уже успели состариться и умереть.

Но ведь бабушке не объяснишь.

Тогда папа купил мне ноутбук, а на своём стационарном поставил зелёный фон. И дядя с тётей видели зелёный фон и радовались, и бабушка с дедушкой видели, больше не спрашивали. А мой ноутбук не видели совсем, потому что из комнаты не выносила.

А я какая на экране, с каким лицом выйду? Лучше бы у меня было малокровие.

А Петя Агафонов ради прикола медицинскую маску по самые брови натянул, кривляется, но мама Яны ему микрофон выключила. А можно бы и видео. Сколько раз говорили — что нет ничего смешного, что нечего ржать. А Петя всё равно. Но он бы в классе того мальчика из «Уроков французского» считался бы дурачком. Хотя по предметам вроде нормально, а всё равно дурачок. Я помню его лицо. Снимет маску, окажется, что у него реденькие рыжие усы и пушок на щеках, который года полтора назад вдруг стал появляться у всех мальчишек.

Вера

Софии нет.

Может быть, все-таки стоило накрасить глаза?

Лицо у меня широковатое, нос большой, разлапистый. Если бы можно было что-то придумать — а что придумаешь, живи, смотри в камеру. На папином компьютере она изображение тёмное, зернистое давала, впору вовсе не смотреть, какой страшной казалась. А здесь — ничего. Я сажусь немного подальше, перекидываю волосы вперёд. Успела вымыть голову, так что волосы светлые и пушистые. Кажется, что на волосы смотрят немного больше, чем на лицо.

И хорошо. Не хочу, чтобы смотрели.

Есть пять минут кофе налить?

В квадратах «Zoom» у некоторых пустые окошки.

Я останавливаю видео, иду на кухню за кофе. Пусть на фотографию теперь глядят — ведь не появится же София вот прямо сию секунду. Вообще-то она не сильно опаздывает, просто мать Яны пишет всем за пятнадцать минут до урока — мол, шевелитесь, подключайтесь. Кто-то и впрямь подключается, я, например.

Теперь приходится ждать Софию и думать про сочинение, которое не сдала. Наверное, можно будет ещё сегодня прислать — прямо во время урока. Ой, извините, скажу, только сейчас вспомнила, что не отправила.

Она скажет — ничего страшного, главное, чтобы вышло *очаровательно*. То самое слово. Она в меня верит. Но очаровательно не получается никогда.

На кухне папа.

— Не началось ещё?

— Нет. Учительницы нет.

— А куда она делась?

— Не знаю. Просто нет пока.

— Но ей хотя бы написали?

Подумала — правда, ведь наверняка никто. И я не буду.